

УДК 327.88

Бурцева С. Б.

Севастопольский государственный университет

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33, Российская Федерация

АНАЛИЗ АТАКИ НА «МЯГКУЮ СИЛУ» РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть факт атаки на «мягкую силу» России в рамках информационной операции «Аргентинское кокаиновое дело» в качестве отдельного ракурса информационной войны в условиях глобального конфликта центров силы, проанализировать роль СМИ и в осуществлении самой операции, и в процессе создания и закрепления смысловых ярлыков.

Процедура и методы. В исследовании используются методы эмпирического познания и системный анализ.

Результаты. Обоснован термин «атака» в применении к негативному воздействию на «мягкую силу» России, подробно проанализированы этапы информационной операции, сформулированы выводы и даны рекомендации по противодействию подобным акциям. Представлены также практические рекомендации по противодействию государственных органов России информационным атакам Запада и созданию соответствующих данной цели государственных структур.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование имеет прикладное значение и содержит уникальный материал, так как в заданном контексте информационное воздействие на «мягкую силу» России ранее не было исследовано и представлено в литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«мягкая сила» России, средства массовой информации, информационная атака, международное влияние, внешняя политика, авторитет государства

СТРУКТУРА

Введение

Инструмент «мягкая сила» в российском контексте

Анализ информационной операции с позиции «мягкой силы»

Упущенные возможности в информационной операции

Последствия информационной операции в контексте «мягкой силы»

Выводы

S. Burceva

Sevastopol State University
33 ul. Universitetskaya, Sevastopol' 299053, Russian Federation

ANALYSIS OF THE ATTACK ON RUSSIA'S SOFT POWER IN THE CONTEXT OF INFORMATION OPERATION

ABSTRACT

Aim. The article presents an analysis of the attack on Russia's "soft power" in the framework of the "Argentine Cocaine Case" information operation as a separate aspect of an information war in the context of a global conflict of centers of power. The role of the media both in the operation itself and in the process of creating and consolidating semantic labels is also studied.

Methodology. The research uses methods of empirical knowledge and systems analysis.

Results. The term "attack" is substantiated as applied to the negative impact on the "soft power" of Russia, the stages of the information operation are analyzed in detail, conclusions are formulated and recommendations to counteract such actions are given. Practical recommendations for coordinated actions of Russian state bodies to counter western information attacks and for creation of government structures to perform this function are presented.

Research implications. The article is of practical value, it contains unique material, since in a given context the informational impact on the "soft power" of Russia has not been previously studied and presented in the literature.

KEYWORDS

soft power of Russia, mass media, information attack, international influence, foreign policy, prestige of the state

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальной экономической конкуренции и растущего на её же основе глобального противоборства мировых центров силы одним из важных инструментов для решения задач внешней политики России является её «мягкая сила», определяемая в Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Президентом РФ В. В. Путиным 30 ноября 2016 г., как «возможности гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»¹. И как инструмент внешней политики «мягкая сила» России становится объектом не только прямых, но и завуалированных угроз, последствия которых в их номинальном значении и в значении окна возможностей для увеличения негативного воздействия на Россию со стороны её геополитических и геоэкономических противников представляются недооценёнными.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30.11.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 25.07.2020).

Целью настоящей работы являются рассмотрение воздействия на «мягкую силу» России со стороны её геополитического противника в условиях проводимой им информационной операции, анализ как процесса реализации такого воздействия, так и его последствий, а также составление рекомендаций по предотвращению или как минимум ослаблению действий противника в рассматриваемом контексте.

Показательным примером воздействия на «мягкую силу» России, или атаки на «мягкую силу» России, в рамках информационной операции служит инцидент, который произошёл в феврале 2018 г. в здании посольства Российской Федерации в Аргентинской Республике.

В военной тактике термин «атака» означает стремительное и организованное движение сил против неприятеля с целью сближения на дистанцию, позволяющую его уничтожить или нанести ущерб, влекущий за собой ослабление противника, чтобы выиграть последующее сражение. Атака, как правило, характеризуется решительностью и неожиданностью, что делает данное действие достаточно эффективным. Атака также характеризуется тем, что далеко не всегда проводится против основных частей противника, или на том фланге, где противник ожидает потенциального нападения.

В связи с аналогичными качествами рассматриваемого эпизода воздействия на «мягкую силу» России нами выбран термин «атака» как наиболее ярко отражающий содержание и качество произведённого действия в условиях информационной операции.

В процессе исследования атаки на «мягкую силу» России были использованы методы эмпирического уровня познания (наблюдение, накопление и отбор фактов с установлением связей между ними), а также системный анализ.

Актуальность настоящего материала заключается в том, что до сих пор инцидент, произошедший в здании посольства России в Аргентине, равно как и иные информационные и психологические операции, проводимые Западом в отношении России, не рассматривался и не анализировался с позиций ущерба «мягкой силе» Российского государства. Помимо этого, детальный анализ инцидента имеет прикладное значение, так как может быть использован как для определения возможных действий геополитических противников, так и для формирования успешной тактики реагирования в подобных анализируемому случаях с целью нейтрализации негативного воздействия.

В настоящей статье представлен подробный анализ указанного инцидента, описаны достигнутые его инициаторами результаты, а также даны выводы и рекомендации по предотвращению подобных действий геополитических противников Российской Федерации.

ИНСТРУМЕНТ «МЯГКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Термин «мягкая сила» ввёл в информационное пространство ещё в 1991 г. Джозеф Най, опубликовав свой труд «Bound to Lead: The Changing

Nature of American Power», посвящённый исследованиям изменений в инструментарии и методологии сохранения мирового лидерства США. В последние годы Най продолжил исследование инструментария «мягкой силы» [7], а новый термин получил достаточно широкое распространение в мире.

В России интерес к понятию «мягкая сила» обозначился в конце 1990-х гг., и до начала 2000-х гг. был отмечен рост интереса к пониманию использования инструментария «мягкой силы» государства. Однако продуктивность самого понятия как обозначающего некие условия, заданные геополитическим конкурентом России, в его применении к РФ вызывала сомнения в академических кругах [10, с. 26].

После некоторого снижения активности в означенном вопросе уже с середины 2000-х гг. интерес к понятию и инструменту «мягкой силы» государства, в первую очередь применительно к внешней политике, вновь начал нарастать не только в академических кругах, но и среди российских государственных деятелей. Ярким примером тому могут служить статьи и выступления председателя Комитета Совета Федерации по международным делам К. И. Косачева, в которых нашёл отражение его опыт как руководителя Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и представлено осмысление современных прикладных технологий формирования образа государства в международных отношениях. В отличие от других авторов многих публикаций на тему «мягкой силы» России, К. И. Косачев, например, уделяет большое внимание такому направлению, как укрепление Русского мира: «“Мягкая сила” России – прежде всего, Русский мир в самом широком смысле – и соотечественники, и симпатизирующие, и специализирующиеся на России. В любом случае, это уже существующий и влиятельный фактор международных процессов, но требующий стратегического государственного подхода, достойного обеспечения – ресурсного, кадрового, аналитического, информационного» [2, с. 53].

В отечественной литературе далеко не всегда в контексте или с упоминанием такого явления, как Русский мир, но с той же целью интерпретировать понятие «мягкая сила» применительно к российской практике, определить инструменты, обосновать и систематизировать направления реализации «мягкой силы» государства существуют работы многих авторов. В частности, предметами исследования в ракурсе «мягкой силы» становились такие сферы и области, как культура, образование, в том числе проекты по обмену учащимися и привлечение в Россию иностранных студентов, деятельность общественных и правозащитных организаций, различные социально значимые проекты, популяризация языка и национальных ценностей за рубежом, достаточно новое явление – народная дипломатия – и мн. др. Однако немаловажной представляется необходимость не только разобраться с понятием и инструментарием «мягкой силы», но и осознать важность целеполагания

для её применения как в отношении своего государства, так и в отношении геополитического противника [11]. Декан факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ имени Н. Э. Баумана доктор философских наук, профессор В. Н. Ремарчук отмечает: «Инструментом “сборки” и “разборки” суверенных государств, как субъектов международного права, сегодня выступают “цветные революции” и “мягкая сила”. А весь этот инструментарий современной геополитики “произведён” социальными технологиями, которые заняли прочное место во внешней политике государств Запада» [8, с. 15].

На определённую опасность буквального применения чужих технологий без сознательной проработки и адаптации их для своих национальных, государственных условий и потребностей указывают профессор Академии военных наук РФ, кандидат политических наук И. А. Чихарев и доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ О. В. Столетов: «“На вооружение” принимается понятие, появившееся в совершенно иной политико-культурной среде и само по себе являющееся результатом международного влияния США. Оно изначально отчасти призвано послужить легитимации американского лидерства в мире и в целом закрепляет американскую систему координат в понимании ценностей и логики развития мировой политической системы» [цит. по: 6, с. 31–33].

«Фрагментарность понимания самого концепта “мягкая сила” и стоящих за ним реалий в российском обществе» [6, с. 31–33] никак не способствует созданию и восприятию единого завершённого образа России, в первую очередь внутри самой страны, а значит, и в круге тех, кто по роду своей деятельности сам по себе олицетворяет некий инструмент «мягкой силы». Под «мягкой силой», по сути данного понятия, мы подразумеваем создание и поддержание определённого образа государства и его авторитета на мировой арене – по аналогии с авторитетом государства в бытность Советского Союза, когда данный авторитет представлял собой синергию множества авторитетов – наука, культура, спорт, образование, международное сотрудничество и т. д., – формировавшихся в единой идеологической и эволюционной парадигме многонационального государства, придерживающегося во внешней политике выдержанного в правовых рамках направления взаимовыгодных и равноправных отношений с партнёрами.

В контексте же современных международных отношений, когда наряду с классическими формами войны, пусть даже локальными, появились неклассические формы, без использования регулярной армии, но реализующие всё те же цели и задачи инициаторов конфликта [4], понятие «мягкая сила» представляется обобщением неких инструментов, характеризующихся отсутствием непосредственного использования военно-силового потенциала страны, в первую очередь оружия. Но для понимания потенциальных возможностей «мягкой силы» и действительно эффективного её применения в современных реалиях этого недостаточно. Как представляются недостаточными и попытки лишь

рассматривать и описывать различные инструменты «мягкой силы», области её использования применительно к Российской Федерации, без учёта человеческого фактора и условий противоборства геополитических противников.

Возможности гражданского общества России, складывающиеся из деятельности многочисленных НКО, фондов, организаций, союзов по интересам, независимой прессы, представителей коммерческой, спортивной и академической сфер, безусловно влияющих как непосредственно, так и опосредованно на формирование имиджа государства и авторитета его власти как внутри страны, так и за пределами её границ, тем не менее во многом зависят от личных приоритетов частных лиц, действующих в перечисленных областях [9]. Данный факт в условиях тотальной демократизации общественных процессов, с одной стороны, создаёт предпосылки для избегания полноты ответственности перед государством вышеозначенных представителей за последствия своей деятельности, которая уже сама по себе может нести угрозу стабильности внутри страны и подрывать политику государства на внешнем контуре [12]. И в данном контексте обозначенные выше представители гражданского общества никак не служат инструментом «мягкой силы» России, а скорее, наоборот, они вполне могут быть классифицированы как некий инструмент антигосударственной «мягкой силы»².

С другой стороны, в контексте операций информационной войны, проводимых Западом в отношении России, частная дискредитация самих тех или иных представителей так называемого гражданского общества в рамках насыщенного многочисленными скандальными историями информационного фона в основном крайне слабо влияет на международный авторитет Российского государства, что делает их малозначимыми целями для информационного воздействия со стороны геополитических противников России.

В то же время прямые представители государства, в частности сотрудники дипломатической службы страны, в полной мере несущие ответственность за свою деятельность перед государством и в полной же мере в рамках своей деятельности реализующие государственные цели и задачи, представляют собой традиционный, а главное, непосредственный и всем понятный инструмент «мягкой силы», вследствие чего и становятся наиболее уязвимыми целями информационного воздействия в условиях глобального противо-

² «Зачастую сами российские гражданские, негосударственные или полугосударственные акторы, обладая большой свободой действий и, в результате, крайне низкой ответственностью перед государством и народом за последствия, тем самым обеспечивают возможность геополитическим конкурентам России с легкостью инициировать различные информационные воздействия, направленные на подрыв устойчивого положения государства как изнутри, так и снаружи (например, инициирование и развитие допингового скандала вокруг российских спортсменов и запрет WADA на участие России в ряде значимых международных спортивных мероприятий; или многочисленные случаи переосмысления исторических фактов, в том числе в академическом сообществе как в России, так и за рубежом)». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

стояния мировых центров силы, что, в свою очередь, способствует дискредитации самого государства как пока ещё основного политического и экономического актора в международных отношениях в процессе глобализации.

Далее в рамках настоящей статьи речь пойдёт о дипломатическом корпусе РФ, непосредственно представляющем государство, традиционном инструменте «мягкой силы», и о средствах массовой информации, которые, будучи потенциальным инструментом и своеобразным проводником «мягкой силы» государства, на деле не всегда таковыми являются в прямом значении данного понятия.

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ С ПОЗИЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Анализируя информационную операцию «Аргентинское кокаиновое дело», инцидент с обнаруженной полицией в здании посольства Российской Федерации в Аргентинской Республике в феврале 2018 г. крупной партией кокаина в 389 кг, предназначенной для переправки в Европу под видом дипломатической почты, в качестве информационной операции со стороны американских спецслужб [3, с. 175], доктор политических наук, профессор МГУ А. В. Манойло определяет главную её цель как «“наклейка ярлыка” на одного из представителей высшего руководства России, который обязательно должен пойматься на эту приманку» [3, с. 176].

1. Время начала информационной операции

Совпадение по времени факта находки партии кокаина в здании посольства и визита в Аргентину секретаря Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушева не случайно. В контексте информационной операции под визит государственного деятеля и было инициировано обнаружение партии кокаина с последующим обязательным представлением данной информации СМИ. Акцентируя внимание на этой детали, А. В. Манойло подчёркивает: «Нельзя так просто сесть в самолёт и отправиться на встречу с президентом какой-либо страны – есть дипломатический протокол, а у каждого визита есть заранее оговариваемый с принимающей стороной официальный статус ... Но близость по времени двух событий (обнаружения партии кокаина и визита Н. П. Патрушева) позволила организаторам информационной операции связать его прилёт именно с “разруливанием” кокаинового дела» [3, с. 176].

2. Место информационной операции

Первый информационный вброс о партии кокаина был осуществлён через латиноамериканскую прессу, что немаловажно, учитывая латиноамериканскую локацию инцидента. Именно в Латинской Америке, где у России есть партнёр по БРИКС – Бразилия – и где в последние годы возросла актуальность российского экономического и военного присутствия, США целенаправленно работают над изменением регионального баланса сил, вмешиваясь в жизнеустройство практически каждой страны на этом континенте.

Следовательно, оставить без ответа, т. е. проигнорировать информационный вброс, учитывая актуальность локации в международной политике, не представлялось возможным ни инициаторам самой операции, ни объекту воздействия.

3. Объект воздействия в условиях эффекта неожиданности

После появления первой информации о кокаине в латиноамериканских СМИ за короткий промежуток времени эта новость была растиражирована остальными, в том числе и российскими, СМИ. Впоследствии на некоторых информационных ресурсах цифры количества кокаина были вольно округлены с 389 кг до 400 кг и даже до «почти полтонны». Здесь необходимо отметить тот факт, что подобную вольность в заголовках новостей позволили себе федеральные СМИ, созданные с конкретной целью трансляции официальной позиции Российской Федерации по вопросам как внутренней, так и внешней политики, представляющие собой таким образом «мягкую силу» государства.

Информационный фон события осложнился отсутствием своевременных внятных объяснений происходящего и со стороны России, и со стороны Аргентины. Поскольку объектом воздействия являлась именно российская сторона, основное внимание общественности и СМИ было приковано к реакции со стороны РФ³.

4. Детали информационной операции

В задачи данного исследования не входит обсуждение фигурантов «Аргентинского кокаинового дела» – для определения степени их вины и представления её доказательств существуют компетентные органы. В ракурсе анализа информационного воздействия необходимо учитывать иные детали.

Во-первых, в условиях повсеместной демократизации общественных процессов, приведшей к плюрализму мнений и суждений в открытом информационном пространстве, СМИ зачастую оказываются освобождёнными от прямой ответственности за подаваемую информацию, качество которой в большей степени страдает в угоду погоне за так называемым «хайпом» на новости. Эту особенность современной прессы и схожих с ней информационных ресурсов активно используют инициаторы информационных операций⁴.

³ «Невнятные же комментарии в СМИ со стороны МИД РФ, в течение суток эволюционировавшие от версии невозможности находки кокаина до версии контрразведывательной операции спецслужб России и Аргентины, и последующее за тем использование для вывоза партии кокаина, как вещественного доказательства, самолета специального авиаотряда “Россия” лишь помогли ретивым журналистам поддерживать не столько объективное информирование общества, сколько эмоциональный ажиотаж вокруг темы так называемого “Аргентинского кокаинового дела”». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴ «Инициаторы-стратеги глобального гибридного конфликта ... отлично осознают, что представляет собой современная свободная пресса – во всех отношениях демократическое, а значит часто беспринципное и не отягощенное соблюдением кодекса профессионального журналиста, поле боя. Достаточно тактически верно выбрать время, место и объект атаки, и не утружденные

Во-вторых, эффект неожиданности информационного вброса приводит к возбуждению попутной новостной интриги за счёт нехватки, невнятности или противоречивости получаемых журналистами комментариев, что также играет на руку инициаторам информационной операции.

В-третьих, «Аргентинское кокаиновое дело» продемонстрировало пример того, как за пределами внимания СМИ из зоны «мягкой силы» России осталась тема инициатора информационной операции и его целей. А тем временем внимание к данной детали пресекло бы несогласованность комментариев официальных лиц в отношении происходящего⁵.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ

Во-первых, для взвешенной ответной реакции на информационный вброс журналистам следовало бы выждать момент поступления комментариев, согласованных участниками раскрытия столь серьёзного преступления и дающих однозначную и чётко аргументированную картину происходящего, снимающую эмоциональный накал и пресекающую возможность распространения каких-либо домыслов уже в силу того, что для них не остаётся почвы.

Во-вторых, СМИ из потенциальной зоны «мягкой силы» России должны были бы заострить внимание на теме инициатора информационного вброса как определения точки начала операции и его истинных целей, а также на теме человеческого фактора – при посольствах стран на вспомогательных позициях могут работать местные жители, не имеющие прямого отношения к министерствам иностранных дел, что создаёт некоторый риск, но ещё никак не характеризует непосредственно всех без исключения дипломатов и послов, тем более МИД РФ. Как не характеризует частный коррупционный случай всё министерство или силовое ведомство в целом, какой бы страны это ни касалось.

В-третьих, осталась неиспользованной возможность ответного удара в информационной операции – акцентирование внимания на том, что интересанты информационного вброса позволили себе вмешаться в работу спец-

анализом возможных последствий своего труда, увлеченные погоней за “хайпом” на новости, воины пера самозабвенно довершают начатое инициаторами информационного вброса». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

⁵ «...органы внутреннего правопорядка, разведка, контрразведка, наркополиция и другие подобные службы любой страны, даже пересекаясь в одном деле, ревностно охраняют от внешнего вмешательства зоны своего влияния и агентурные ресурсы. ... в условиях, когда операция спецслужб двух стран по выявлению и пресечению наркотрафика в Европу не завершена, и разработка фигурантов преступления находится в самом разгаре, в открытый доступ вдруг попадает оперативная, значит по умолчанию закрытая, информация. За каждой уткой секретной оперативной информации стоят так называемый “крот” внутри соответствующего ведомства и заинтересованное лицо за его пределами. Кому и с какой целью, почему именно в этом месте и в это время понадобилось “слить” секретные сведения – вот вопросы, которые должны были бы насторожить ... журналистов». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

служб России и Аргентины, создали угрозу срыва оперативного мероприятия спецслужб двух стран по пресечению наркотрафика в Европу, чем, в свою очередь, покусались на здоровье и благополучие огромного числа людей и, возможно, обнаружили собственные связи с преступным сообществом.

Таким образом, инициаторы «Аргентинского кокаинового дела», помимо цели «наклейка ярлыка» на одного из представителей высшего руководства России, который должен «клянуть» на якобы приманку в виде обнаруженной скандальной партии кокаина, получили дополнительный эффект – вполне успешную атаку непосредственно на «мягкую силу» России в лице её дипломатического корпуса и, как следствие, удар по имиджу страны на международной арене.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Исследование и обобщение указанных деталей позволяет сделать вывод, что отсутствие чёткой и скоординированной стратегии реагирования в информационной операции «Аргентинское кокаиновое дело» имело негативное влияние на международный имидж России в следующих проекциях.

Во-первых, в международном информационном пространстве сформировались устойчивые смысловые сочетания «российские дипломаты и кокаин», «Россия и наркотрафик». Доказательством данному факту служит произвольный набор в любом интернет-поисковике слов и словосочетаний «Аргентина», «Латинская Америка», «наркотрафик», «кокаин» (примечательно, что нет необходимости упоминать Россию и российских дипломатов), и результаты поиска не оставляют сомнений в том, что наркотрафик кокаина организован именно через посольство РФ и российские дипломаты – главные фигуранты преступления. И данный эффект держится в информационном поле, несмотря на то, что с момента инцидента прошло уже более двух лет. Помимо этого, аналогичная статья с говорящим заголовком «Контрабанда кокаина из посольства России в Аргентине» появилась и в Википедии⁶.

Запоздавшие, в данном контексте, усилия СМИ по реабилитации дипломатического корпуса России в связи с «Аргентинским кокаиновым делом» должного эффекта, к сожалению, уже не оказывают⁷. Что касается Википедии, стоит от-

⁶ Контрабанда кокаина из посольства России в Аргентине // Википедия, свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Контрабанда_кокаина_из_посольства_России_в_Аргентине (дата обращения: 05.07.2020).

⁷ «...по прошествии времени с февраля 2018 года российские СМИ регулярно информируют общественность о протекании уголовного процесса над фигурантами контрабанды тех самых 389 кг кокаина, что должно бы снять с российских дипломатов негативную ассоциативную связь с преступлением. Но, судя по содержанию информационного поля, реабилитация российского дипломатического корпуса в глазах широкой общественности продвигается крайне неубедительно». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

метить, что данный ресурс активно используется людьми во всём мире, по меньшей мере для получения первичного представления о чём-либо⁸.

В этой связи важно отметить эффект легализации информации, которая достигается в результате закрепления её в виде статьи, публикации, справки на любых источниках в открытом доступе. В дальнейшем подобная информация, какого бы сомнительного характера она ни была изначально, может быть использована уже без особой проверки – достаточно на неё сослаться, чем зачастую пользуются журналисты и различного рода эксперты. Как подробно описал в своих трудах А. В. Манойло на примере нашумевшего «дела отравления Скрипалей» [4, с. 219–256], именно легализованная путём информационных вбросов в СМИ и через создаваемые ассоциативные связи информация по прошествии некоторого времени чаще всего становится источником следующего ещё более жёсткого и масштабного витка информационного воздействия.

Во-вторых, в отношении образа России на мировой арене оказался достигнутым эффект переноса на Россию качества её геополитического противника – США⁹.

Приверженность государства России нормам международного права и стандартам ООН¹⁰ отражена в Концепции внешней политики Российской Федерации и регулярно подчёркивается многими представителями Российского государства. И до сих пор этот образ России был её выгодным преимуществом на международной арене¹¹. Закрепление в международном информационном поле смысловых образов «российские дипломаты и кокаин», «Россия и наркотрафик» позволило уравнивать образ России и образ тех же США, замешанных

⁸ «Именно на это большинство направлены информационные и психологические операции, которые подробно разбирает в своих книгах А. В. Манойло. Именно представители этого большинства становятся марионетками на площади Тахрир, или Болотной площади, или площади Независимости, где в пылу “праведных” эмоций вершат очередную цветную революцию». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

⁹ «Спортсменам и бизнесменам известен такой психологический прием: если не можешь победить соперника на ринге, спровоцируй соперника за его пределами, чтобы он начал нервничать и ошибаться, или если не можешь быть лучше конкурента, скомпрометируй его сильные стороны и опусти его до своего уровня, или ниже». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

¹⁰ Управление ООН по наркотикам и преступности функционирует с 1997 г. См.: Об УНП ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/about-unodc/index.html> (дата обращения: 15.07.2020).

¹¹ «До сих пор, несмотря на старания геополитических конкурентов так или иначе скомпрометировать репутацию России на международной арене, образ страны, scrupulously соблюдающей нормы международного права и стандарты ООН, был неоспоримым преимуществом России, выгодно контрастировал со способностью стран Запада, в особенности США, позволять себе сомнительные с точки зрения права действия, если это отвечает их глобальным интересам». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

как в организации наркотрафика, так и в организации и поддержке международного терроризма. От экстраполяции смысла «Россия и наркотрафик» к «Россия и терроризм» остаётся немного – очередной вброс чьих-то «логических» умозаключений с опорой на уже легализованные ярлыки.

В качестве доказательства подобного сценария по использованию заложной в феврале 2018 г. возможности можно привести совсем свежий пример, а именно из серии новостей лета 2020 г. о том, что Россия якобы имеет «сговор» с исламским радикальным движением «Талибан» в Афганистане, направленный против американских военнослужащих, а главным посредником между террористами и Россией является афганский наркоторговец Рахматулла Азизи. И как результат, в Конгрессе США без предоставления каких-либо внятных доказательств по данному обвинению, на фоне заявления МИД РФ о «фейковой новости» и опровержения со стороны «Талибан» сведений о связи с Россией сразу же звучат предложения о включении в законопроект о военных расходах санкций в отношении Президента РФ Владимира Путина, министра обороны Сергея Шойгу и других высокопоставленных должностных лиц¹².

В-третьих, в мировом общественном мнении инициировано восприятие представителей Российского государства как политиков и госчиновников, которые наравне с западными политиками могут позволять себе неубедительные и бездоказательные высказывания, что постепенно снижает планку уважения к представителям Российского государства, подчёркивая этот момент соответствующими посылами также в информационном пространстве.

Возможно, первоначально этот эффект не был запланирован инициаторами информационной атаки, тем не менее в рамках «Аргентинского кокаинового дела» он получился: публикация в феврале 2018 г. сбивчивых объяснений со стороны МИД РФ в отношении партии кокаина даёт возможность провести негативную параллель между представителями Российского государства и западной политической элитой, с растущим постоянством позволяющей себе непоследовательные и нелогичные высказывания (например, заявления премьер-министра Великобритании Терезы Мэй по «делу отравления Скрипалей» [4, с. 219–256]).

Примером информационных посылов в контексте вышесказанного как ещё одной формы завуалированной атаки на имидж официальных представителей Российского государства, которых якобы дозволительно не принимать всерьёз, может служить новость июня 2020 г. под заголовком «МИД Эстонии вызвал посла России на ковёр»¹³. Этимологически в русском языке выражение

¹² «По мнению Боба Менендеса, Конгресс США должен включить в законопроект о военных расходах санкции против должностных лиц за предполагаемый "сговор" с талибами». См.: Сенатор США предложил ввести санкции против Путина и Шойгу // DW.com. URL: <https://www.dw.com/ru/сенатор-сша-предложил-ввести-санкции-против-путина-и-шойгу/a-54021127> (дата обращения: 18.07.2020).

¹³ МИД Эстонии вызвал посла России на ковёр // Postimees: [сайт]. URL: <https://rus.postimees.ee/7000054/mid-estonii-vyzval-posla-rossii-na-kover> (дата обращения: 2020).

«вызвать на ковёр» восходит к смыслу «слуга, вызванный к хозяину для выговора», в современном контексте то же выражение может быть применимо в отношении начальника и подчинённого (и то не в официальном ключе, а исключительно ради подчёркивания негативной эмоциональной составляющей вызова подчинённого к начальнику) – именно это значение и закрепилось поныне, как указывают фразеологические словари русского языка. Таким образом, когда речь идёт о после другого государства, ни дипломатический этикет, ни этические нормы, ни табели о рангах не оправдывают использование подобного выражения – разве что целью ведущих СМИ Эстонской Республики было поддержание заданного геополитическим противником России направления на дискредитацию её «мягкой силы» в лице дипломатического корпуса за счёт трансляции такого снисходительно-пренебрежительного отношения к Полномочному послу РФ в ЭР. Фактически всё, что может позволить себе министр иностранных дел Эстонии по отношению к сотруднику МИД России, – это пригласить к себе, даже если причиной тому стало представление ноты.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ «Аргентинского кокаинового дела» служит подтверждением упомянутого выше мнения И. А. Чихарева и О. В. Столетова в отношении понятия и инструмента «мягкая сила» в российском контексте и иллюстрирует функциональный разрыв между государственными органами и ведомствами, организациями и физическими лицами Российской Федерации, потенциально несущими ответственность за использование инструментов «мягкой силы», ставя, таким образом, под сомнение полезность фрагментарности «мягкой силы» России по образу и подобию американской системы ценностей и логики политической системы.

Будучи потенциальным инструментом «мягкой силы» государства, СМИ служат всего лишь площадкой для передачи информации. Наивно ожидать, что, пусть и очень качественные, СМИ способны самостоятельно вовремя диагностировать начало информационной и психологической операции, оказывать своевременное профессиональное с точки зрения стратегии и тактики ведения глобального конфликта и информационной войны противодействие. Недостаточность профессионального уровня журналистики и ведомственных служб по связям с общественностью для ведения информационных операций в условиях перманентного гибридного конфликта мировых центров силы объективна¹⁴.

При этом СМИ вынуждены действовать в условиях перманентного глобального конфликта мировых центров силы, в ходе которого сторонами конфликта

¹⁴ «Журналисты, даже патриоты государства, по природе своей не обладают государственным взглядом на происходящее и многоуровневым системным подходом к оценке событий – у них иные задачи и умения». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

в роли оружия используются и экономические санкции, и искажение истории, и нарушение норм международного права, и подмена нравственных понятий и категорий, и провокации и эскалации локальных конфликтов, и мн. др.¹⁵. Ярким примером подобных противоправных действий, завуалированных под борьбу за «демократические ценности», служат события в Белоруссии и вокруг неё, развернувшиеся сразу после победы на президентских выборах Александра Лукашенко в августе текущего, 2020 г., имеющие все признаки организованного и поддерживаемого извне госпереворота, и обострившийся конфликт Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе, интересантами которого оказываются третьи страны, обладающие на мировой арене гораздо большим весом и возможностями, чем непосредственные участники конфликта.

Россия, против которой западные «партнёры» разрабатывают или, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, проводят разного рода операции с целью подорвать её усиление и распространение её влияния в мире, пока лишь реагирует, и в большинстве случаев неэффективно. А потенциальные инструменты её «мягкой силы», в том числе и СМИ, действуют несогласованно, часто противоречиво, а порой и подменяя государственные интересы личными мнениями и амбициями отдельных субъектов «мягкой силы».

Исходя из вышесказанного, следует предложить меры, необходимые для противодействия в информационной войне.

1. Поскольку состояние информационной войны в условиях глобально-го конфликта центров силы является сегодня перманентным, для преодоления указанных ошибок требуется в первую очередь единая государственная стратегия «мягкой силы» России, ясная территория смыслов, чётко определённый уникальный план эволюционного движения государства, – то, что делает страну не просто привлекательной по отдельным составляющим, а достойной быть ориентиром в выборе взгляда на мироустройство. В. В. Путин в отношении сложных и спорных вопросов неоднократно указывал, что первым делом необходимо договориться о единой терминологии и прийти к общему пониманию основ обсуждаемого явления. В этом смысле основа инструментов «мягкая сила» для Российского государства – это единство понимания собственной истории, единство идеологических и ценностных принципов и ориентиров, экономических, политических, социальных целей и задач развития страны, чёткие методы взаимодействия государственных и частных проводников «мягкой силы» России, а также территория и степень их ответственности за свою деятельность в зоне «мягкой силы» перед государством и его народом.

¹⁵ «Однако работают журналисты в условиях глобального конфликта центров силы, который начался не вчера и является логическим продолжением многовековой политики стран Запада по экспансии в мире. Конца ему не предвидится, пока какой-то из центров силы ни предложит миру иную, более привлекательную, чем существующая, экономическую и социальную идею развития, способную радикально изменить соотношение сил и влияния на планете». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

2. Чёткая и скоординированная стратегия реагирования в информационной операции возможна в условиях отсутствия функционального разрыва между государственными органами и ведомствами, организациями и физическими лицами Российской Федерации, несущими ответственность за реализацию стратегии «мягкой силы» России. Для преодоления подобного разрыва требуются конкретизация понятийного аппарата «мягкой силы», внедрение его практического системного согласованного использования на всех уровнях государственной власти и государственного представительства.

3. К. И. Косачев предельно точно описывает современные реалии геополитического противостояния: «...сознательная дегуманизация геополитических оппонентов оправдывает любые силовые и неправовые действия по отношению к ним: надо ли жалеть тех, кто чуть ли ни генетически не способен принять наши ценности и противостоит им цивилизационно, а не ситуационно? По сути, мы имеем дело с проявлениями новой формы расизма, основанного не на цвете кожи или принадлежности к расе, но на отношении к либеральным ценностям: государства и народы выстроены по степени приближенности к восприятию “единственно верного учения”» [1, с. 18]. «В современной политической борьбе все более широкое распространение получает практика применения методов и технологий ведения информационных войн, которые не подпадают ни под одну из регулирующих норм международного права», – отмечает А. В. Манойло [3, с. 477]. При этом необходимо отметить, что методы и технологии разрабатываются, естественно, не сотрудниками СМИ, не политиками или экономистами, и даже не политологами, как это может показаться на первый взгляд, – их готовят по всем правилам военного искусства, с учётом оперативной информации, разведанных, психологии противника, стратегических целей, множества технологических, технических, тактических и многих других данных и инструментов. А объектом воздействия, как прямого, так и опосредованного, характеризующегося поступательным ростом, является Российское государство, в частности зона его «мягкой силы» как приоритетная цель агрессии в условиях глобального конфликта. Следовательно, противодействием информационным и психологическим операциям, ведением гибридных войн должны заниматься специально подготовленные для этой деятельности профессионалы¹⁶, что позволит как минимум избежать реализации закона перехода количественных изменений в качественные в контексте целей инициаторов информационных операций против Российского государства. В противном случае, как это неоднократно наблюдалось в последние десятилетия, срабатывание данного

¹⁶ «...противодействие информационным и психологическим операциям, ведение гибридных войн должно стать сферой деятельности специально подготовленных для этого профессионалов, которые смогут не только проводить эффективные ответные действия, но и разрабатывать превентивные меры в информационных и психологических операциях в условиях глобального конфликта». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

закона становится основой для госпереворотов под давлением общественности как внутри государства, так и за его границами.

4. Учитывая локацию рассмотренного примера атаки на «мягкую силу» России, следует отметить стратегическую важность объединения БРИКС для Российского государства. Каждая страна БРИКС в отдельности не способна эффективно справляться с «новыми вызовами и угрозами международной и национальной безопасности, как киберпреступность, информационный терроризм и экстремизм, операции информационной войны» [5]. В связи с этим А. В. Манойло обосновал целесообразность создания единой системы наднациональных органов БРИКС, в частности международной киберполиции БРИКС, как инструмента «обеспечения информационной безопасности объединения БРИКС в целом и отражения операций информационной войны в частности». Представляется также целесообразным формирование внутригосударственной службы противодействия информационной войне в частности, гибридной войне в целом – в сотрудничестве с соответствующими государственными ведомствами и структурами, включая армию, разведку и контрразведку.

Как было уже сказано выше, использование в противодействии информационным и психологическим операциям подготовленных для данной цели специалистов для достижения минимального эффекта уберезёт страну от поступательной подготовки «цветного» переворота.

Как максимум, профессиональное ведение информационной войны при наличии чёткой стратегии «мягкой силы», в контексте глобального конфликта мировых центров силы позволит обеспечить государству новый, привлекательный и, следовательно, авторитетный для других международных акторов имидж, способствующий укреплению и расширению союзнических и партнёрских связей как по периметру страны, так и во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косачев К. И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 15–20.
2. Косачев К. И. Не рыбу, а удочку. В чём состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 40–53.
3. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 496 с.
4. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.
5. Манойло А. В. Российский подход к формированию пространства коллективной информационной безопасности стран БРИКС // Политология. Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 3 (15). С. 156–163.
6. Матвеев Ю. И., Галаева М. Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165–179.
7. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 33–41.

8. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизованном противоборстве / М. А. Гареев, В. Н. Ремарчук, Т. А. Алексеева и др.; под общ. ред. И. В. Бочарникова. М., 2016. 306 с.
9. Филимонов Г. Ю., Карпович О. Г., Манойло А. В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: РУДН, 2015. 582 с.
10. Чихарев И. А., Столетов О. В. К вопросу соотношений стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 26–43.
11. Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood [Электронный ресурс] // Democratization. [2017]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2017.1363186> (дата обращения: 21.07.2020).
12. Simons G. Policy and Political Marketing: Promoting Conflict as Policy [Электронный ресурс] // Journal of Political Marketing. [2020]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724426> (дата обращения: 21.07.2020). DOI: 10.1080/15377857.2020.1724426.

REFERENCES

1. Kosachev K. I. ["Soft power" with hard consequences]. In: *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Research], 2016, no. 1 (6), pp. 15–20.
2. Kosachev K. I. [Not a fish, but a fishing rod. What is the peculiarity of Russia's "soft power"]. In: *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global affairs], 2012, vol. 10, no. 4, pp. 40–53.
3. Manoilo A. V. *Informatsionnye voiny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviyu* [Information warfare and psychological operations. A guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2018. 496 p.
4. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Tekhnologii neklassicheskoi voiny. Genesis. Evolyutsiya. Praktika* [Non-classical war technologies. Genesis. Evolution. Practice]. Moscow, Hotline-Telekom Publ., 2020. 378 p.
5. Manoilo A. V. [Russian approach to the formation of the collective information security space of the BRICS countries]. In: *Politologiya. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya* [Political science. Social and Humanitarian Knowledge], 2018, vol. 4, no. 3 (15), pp. 156–163.
6. Matveenکو Yu. I., Galaeva M. G. ["Soft power" as a factor in modern geopolitics]. In: *PolitBook*, 2015, no. 1, pp. 165–179.
7. Nye J. ["Soft power" and US-European relations]. In: *Svobodnaya mysl' – XXI* [Free Thought – XXI], 2004, no. 10, pp. 33–41.
8. Gareev M. A., Remarchuk V. N., Alekseeva T. A., et al. *Rol' tekhnologii «myagkoi sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizovannom protivoborstve* [The role of soft power technologies in information, value-world outlook and civilized confrontation]. Moscow, 2016. 306 p.
9. Filimonov G. Yu., Karpovich O. G., Manoilo A. V. *Tekhnologii «myagkoi» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii* [«Soft» power technologies in the U.S. arsenal: Russia's response]. Moscow, RUDN University Publ., 2015. 582 p.

10. Chikharev I. A., Stoletov O. V. [On the question of the relationship between the strategies of “soft power” and “reasonable power” in world politics]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2013, no. 5, pp. 26–43.

11. Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood In: *Democratization*, 2017. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2017.1363186> (accessed: 21.07.2020).

12. Simons G. Policy and Political Marketing: Promoting Conflict as Policy/ In: *Journal of Political Marketing*, 2020. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724426> (accessed: 21.07.2020). DOI: 10.1080/15377857.2020.1724426.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.07.2020

Статья размещена на сайте: 08.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бурцева Светлана Борисовна – магистрант направления «Политология», Институт общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; e-mail: ana78787878@gmail.com

Svetlana B. Burceva – Master’s Degree Student, Political science, Institute of The Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; e-mail: ana78787878@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Бурцева С. Б. Анализ атаки на «мягкую силу» России в условиях информационной операции // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Burceva S. B. Analysis of the attack on Russia’s Soft power in the context of information operation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.